

Коротин Юрий Николаевич

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ВУЗОВСКОЙ АВТОНОМИИ В 1920-Е ГГ

В статье показаны изменения, произошедшие в высшей школе после Октябрьского переворота 1917 г. В этот период разворачивается активная борьба власти с вузовской автономией. Раскрыты цели и задачи данной политики, на примере ряда губерний Поволжья анализируется процесс противостояния власти и университетов, выясняются причины поражения последних. Автор приходит к выводу об отсутствии в указанный период предпосылок к диалогу между сторонами вследствие неготовности властей к компромиссу, результатом чего явилось снижение научного потенциала высшей школы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. С. 99-102. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье показаны изменения, произошедшие в высшей школе после Октябрьского переворота 1917 г. В этот период разворачивается активная борьба власти с вузовской автономией. Раскрыты цели и задачи данной политики, на примере ряда губерний Поволжья анализируется процесс противостояния власти и университетов, выясняются причины поражения последних. Автор приходит к выводу об отсутствии в указанный период предпосылок к диалогу между сторонами вследствие неготовности властей к компромиссу, результатом чего явилось снижение научного потенциала высшей школы.

Ключевые слова и фразы: студенчество; вузовская автономия; высшая школа; совет старост; Поволжье; реформирование образования; классовый подход.

Юрий Николаевич Коротин

Кафедра истории и права

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского
aizek0081@rambler.ru**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
И ВУЗОВСКОЙ АВТОНОМИИ В 1920-Е ГГ.®**

С приходом к власти в 1917 г. большевики приступили к реформированию всей сферы просвещения и, в частности, ликвидации вузовской автономии. Все попытки профессорско-преподавательского состава действовать независимо жестко пресекались. На протяжении нескольких лет длился процесс борьбы за высшую школу, в ходе которого рассматривались различные варианты ее дальнейшего развития. В итоге победила точка зрения партии и государства.

В настоящей статье предпринята попытка проследить процесс противостояния власти и высшей школы на примере ряда губерний Поволжья, объяснить, чем были вызваны противоречия между ними, выявить причины поражения сторонников вузовской автономии. Автор ставит перед собой цель ответить на вопрос: существовала ли реальная альтернатива выбранному пути или такой вариант развития был неизбежен? Ответ на данный вопрос важен именно сегодня, когда идет активное преобразование системы образования.

В советской историографии преобладало изучение истории комсомольского движения, его роли в становлении новой системы образования и борьбы с контрреволюционной деятельностью в высшей школе. Вследствие классового подхода была принижена роль студенчества в общественном движении. Можно привести в качестве примера мнение В. И. Соколова, который в докторской работе писал: «Советские историки на протяжении десятков лет традиционно упрекали так называемые буржуазные партии за то, что те активно вели свою работу преимущественно среди студенческой и учащейся молодежи, которая, по мнению ученых СССР, являлась социально и идейно неустойчивой, а тем самым как бы и не совсем полноценной. Эта дискредитация была направлена не только против оппозиционных большевистскому режиму партий, но и против всей учащейся молодежи, которая, наряду с интеллигенцией, вплоть до конца 20-х гг. доставляла немало тревог и хлопот партийному государству» [10, с. 205].

С распадом Советского Союза началось переосмысление роли высшей школы в 20-е гг. Появились исследования, пересматривавшие традиционные позиции советских историков, акцентировавшие внимание на новых вопросах. Во время перестройки центр исследований сместился на другой полюс. Авторы так стремились скорее избавиться от советского наследия, что отмечали только негативные моменты в истории 1920-х гг. Позднее этот перекосяк начал исправляться, появились работы историков, отличающиеся большей объективностью. Сюда можно отнести работы Е. С. Постникова [7], Е. И. Демидовой [2]. На современном этапе следует отметить возросший интерес к истории развития образования в отдельных регионах [11].

После Октябрьского переворота положение различных слоев студенчества и профессорско-преподавательского состава существенно изменилось. Объективно это было связано не только с шедшей войной, но и политикой по широкому привлечению народных масс в высшую школу. Декретом Совнаркома от 2 августа 1918 года «О правилах приема в высшие учебные заведения» закреплялось право каждого, достигшего 16-летнего возраста, поступать в университеты. Отменялись всякие ограничения по уровню образования и классовой принадлежности [3].

Подобная политика, проводимая весьма поспешно, необдуманно, без всякой серьезной подготовки, первоначально принесла больше негативных результатов. Вузы наводнил поток молодых людей, желающих учиться, но не имеющих достаточных знаний. Это частично признавали и лидеры партии: «В первый момент в деле высшего образования мы придерживались идеи свободного вступления в высшие учебные заведения для всех, кто хочет учиться. При этом в декрете по этому поводу не было даже сказано, что слушатель должен быть грамотен. Дело, однако, заключалось в том, что, открыв пролетариату путь к университету, но не подготовив его, мы тем самым поступали как лиса, приглашающая аиста поесть из плоской тарелки» [1, с. 649-657].

Большевики, понимая слабость своих позиций в университетской среде, сделали ставку на расширение влияния именно среди студенчества. «Пришлось, главным образом, опираться на коммунистическое студенчество. Но так как самые лучшие студенты-коммунисты были мобилизованы и остались силы сравнительно слабые, которые должны были вывозить университет, то придется вместо университетских советов создать президиумы с представительством от студентов, но с преобладающим количеством коммунистов и с назначенцами – нашими уполномоченными, которые будут следить, чтобы жизнь университета шла правильно» [6, с. 123]. Изменение социального состава преподавателей было сложной задачей, так как новые кадры взять было неоткуда, а количество педагогов, открыто поддержавших Советскую власть, было незначительным. Подготовка же новых кадров, по вполне понятным причинам, была делом не одного года. «Например, нас упрекали в том, что в институт имени Карла Маркса мы пригласили меньшевиков читать лекции. Нам говорили: как вы в рабоче-крестьянский институт пускаете врагов; давайте найдем товарищей-коммунистов! Нашли, но ни один намеченный товарищ не прочитал там ни одной лекции! Вот тут-то и беда, что количество профессоров-коммунистов у нас ничтожно, да не только коммунистов, но даже людей социалистически-революционно настроенных!» [Там же, с. 125].

Основная часть профессоров заняла выжидательную позицию, не ожидая от правящей партии положительных изменений своего статуса. Поэтому большевики развернули активную деятельность в другом направлении – стояла задача по изменению классового состава студенчества, вытеснению старых кадров учащих новыми, организации в каждом университете коммунистической ячейки. Они должны были стать проводниками политики партии в вузах, теми опорными точками, которые стали бы плацдармом для завоевания высшей школы. Отношения профессорско-преподавательского состава ко всем этим начинаниям Наркомпроса было, скорее, негативное. Стихийно создававшиеся комитеты активно вмешивались в учебный процесс, внеучебную жизнь, материально-технические и иные вопросы. Они пытались активно влиять на кадровую политику, оставлять на работе наиболее лояльных преподавателей.

На расширенном Пленуме Центрального Бюро Коммунистического студенчества в 1922 г. были отражены противоречия и самые насущные вопросы того периода. Тон задавали представители тех университетов, которые имели давнюю традицию. Довольно бескомпромиссную позицию занял представитель казанского студенчества Диковицкий: «У нас Университет существует более 120 лет, и он, бесспорно, реакционен. Новое Правление Университета приступило к работе две недели тому назад. Это удалось провести силами коммунистического студенчества. Мы добились того, что Областной комитет партии дал распоряжение Татарскому профсовету, чтобы представители ВУЗов назначались после обсуждения с нами. Основная задача нашего коллектива – оставление наших научных сотрудников и ординаторов. Скандалов мы избегли, но все же были с трудом оставлены вполне лояльные советской власти – 1 коммунист, 2 бывших. В комиссию по перерегистрации и по приему повсюду входили наши студенты-коммунисты» [8, д. 204, л. 2].

Представители других губерний Поволжья были в целом солидарны с этой позицией, и по итогам заседания было принято решение и далее увеличивать представительство коммунистов в вузах. Это было продолжением политики ликвидации независимых студенческих объединений. Так, еще раньше был решен вопрос о судьбе совета студенческих старост. В 1917 г. в вузовской среде существенную роль играли органы студенческого самоуправления в форме советов студенческих старост. Старосты не назначались, а избирались на общем собрании студентов путём всеобщего, прямого, равного, тайного голосования. При избрании старост не учитывалось их политическое мировоззрение. Сразу после Октябрьской революции Нарком просвещения своим постановлением возложил на советы студенческих старост заведование всеми студенческими делами, им давалось право представительства в советах (административных, научных) вузов, собраниях факультетов, участия в распределении фондов социального обеспечения студентов [9, с. 8-9].

Эта вполне демократическая процедура в дальнейшем была отторгнута. Уже в июле 1919 г. Народный комиссариат просвещения своим постановлением прекратил деятельность советов старост. Объяснялось, что это была временная и вынужденная мера, связанная с Гражданской войной [4, с. 70, 120]. На самом деле это было вызвано отказом советов студенческих старост участвовать в выполнении распоряжения Совета Народных Комиссаров о мобилизации учащихся призывного возраста. На смену старостам пришли вузовские ячейки РКП(б).

Власть, опасаясь конкуренции и контрреволюционных действий своих противников, боролась против студенческих объединений и за вовлечение в свои ряды широкой массы беспартийного студенчества, что выразилось в ряде постановлений:

«Выписка из протокола заседания Оргбюро от 26.10.22.

Постановили:

1. Считать в данный момент нецелесообразным создание широких беспартийных организаций студенчества.
2. Предложенное Агитпропом ЦК положение об организации пролетарского студенчества в основном принять, поручив Агитпропу провести его через Президиум ВЦСПС» [8, д. 202, л. 17].

Ликвидация студенческих союзов должна была проходить с одновременным созданием секций пролетарского студенчества. В последние должны были войти только идеологически верные студенты под руководством комсомольских работников. Остальная часть учащихся оставалась без права на объединение:

«Признать необходимым довести до конца ликвидацию студенческих комитетов по мере создания профсекций пролетарского студенчества. Приступить к ликвидации академических и кооперативных секций. Проведение в жизнь поручить Главпрофобру» [Там же, л. 36].

Таким образом, под запрет попадали не только объединения, в которых могли возникнуть какие-либо оппозиционные идеи, но и вообще все союзы. Власть не желала видеть какие-либо независимые общественные силы, оставшиеся от прежнего режима. Об этом и было сообщено в резолюции по вопросу об общестуденческих организациях:

«Принимая во внимание... что общестуденческое представительство в условиях диктатуры пролетариата является политической трибуной для контрреволюционной общественности, Конференция постановляет:

1. Существование в настоящее время общестуденческих организаций не должно допускаться.

Примечание: Возникновение общестуденческого представительства допускается в каждом отдельном случае применительно к конкретной обстановке с разрешением и утверждением ЦК по ходатайству соответствующих Губкомов» [Там же, д. 203, л. 5].

Однако простыми запретами и даже карательными мерами нельзя было остановить ту волну энтузиазма, которую разбудил 1917 год. Процесс объединений носил стихийный характер, и помешать ему у правящей партии в то время не было возможности. Из этого следовал вывод, что необходимо возглавить появляющиеся союзы и активно работать в них. Вот как говорил об этом на Пленуме Центрального Бюро Коммунистического студенчества представитель Саратова Розовский: «...у нас начали появляться национальные студенческие организации, ставящие задачи не только работать среди студенчества, но и входить в массы рабочих» [Там же, д. 204, л. 7].

Реакция была весьма быстрой: «...мы ликвидировали эти организации, теперь у нас остался философско-религиозный кружок. Но поскольку среди студенчества есть творческий зуд и тенденции к объединению, нами выдвинут проект...», суть которого сводится к организации масс студентов под руководством наиболее лояльных представителей [Там же].

Большинство на Конференции поддержало мысль об установлении над студенчеством партийного руководства. Так, один из участников Пленума ЦБ Иоффе, выступивший с докладом по организационному вопросу, отметил: «...нужно вокруг ядра коммунистов организовать все демократическое, советское, лояльное студенчество... Отсюда и родился проект о союзе пролетарского студенчества. Ядро – коммунистическая ячейка, вокруг ядра группируются студенты рабфаков – все это составляет основную базу для организации пролетарского студенчества» [Там же, л. 13].

В том же духе выразился на совещании представитель ЦК РКП(б) Карташев: «Вы, конечно, понимаете, что говорить об автономности студенческой организации является совершенно чуждым духу нашей партийной организации... становиться на такую почву совершенно нельзя. Меньше всего студенчество может думать об обособлении. Вы должны думать о том, как крепко войти в партийную организацию» [Там же, л. 15].

С предыдущими докладчиками, в общем, согласился и представитель Саратовской организации, отметив, что никаких тенденций к автономности у них нет.

Вопрос о создании организаций студентов, не подчиненных партийному и комсомольскому контролю, даже и не ставился. Речь шла о том, в какой степени партия будет участвовать в студенческом движении, – будет ли прямо руководить либо предоставит это право лояльным ей лицам. Опасаясь конкуренции со стороны других партий, ВКП(б) претворила в жизнь наиболее радикальный проект, согласно которому все ключевые вопросы решались при ее непосредственном руководстве. Вопрос о существовании автономии в вузах был решен.

С самого начала реформы перед властью стояла дилемма: опираться на старых специалистов и дать им, пусть даже на время, право свободно выражать свои взгляды либо оставить только лояльных власти педагогов, жертвуя качеством знаний. Стоит отметить, что подобный выбор был поставлен не только в сфере высшего образования, но и в других областях: государственном управлении, армии, народном хозяйстве. Большевики и рады были бы избавиться от всех «неблагонадежных элементов», но реальность была такова, что без помощи старых специалистов государство не смогло бы долго существовать. Наиболее здравые политики в партии понимали это. Так, в самый разгар Гражданской войны, когда по естественным причинам резко уменьшался командный состав Красной Армии, В. И. Ленин подтвердил курс на привлечение военных специалистов. Он подчеркнул, что привлечение военных специалистов к строительству массовой регулярной Красной Армии так же необходимо, как и использование буржуазных специалистов в других областях советского строительства [5, с. 135].

В области высшего образования этот ленинский посыл, к сожалению, был реализован лишь частично, и тому существовали объективные причины. Классовый подход, на основе которого осуществлялась реформа, был неприемлем для большей части педагогов университетов и вызывал их активное противодействие. Провозглашенная диктатура пролетариата подразумевала под собой подчинение интересам революции всех независимых учреждений и организаций, что также вело к ущемлению вузовской автономии. Противостояние между государством и высшей школой было неизбежным, и таким же неизбежным было поражение вузов вследствие их сильной зависимости (главным образом материальной) от власти. Альтернативы такому развитию событий не было, да и не могло существовать из-за слишком большого перевеса сил государства. Все попытки диалога между сторонами заканчивались безрезультатно из-за нежелания власти идти на компромисс. Уступки высшей школе носили временный характер и были связаны с напряженной внутренней обстановкой в стране. После окончания Гражданской войны вопрос о ликвидации автономии был решен. Односторонний отказ власти от сотрудничества с вузами привел к печальным последствиям. На протяжении последующего десятилетия был проведен ряд чисток среди преподавателей и студентов, которые не только способствовали пролетаризации, но и замедлили темпы развития высшей школы, что сильно сказалось на снижении научного потенциала страны.

На современном этапе, когда идет активное реформирование системы образования, важно извлечь уроки из событий, имевших место в начале 1920-х гг. Закрепленный в Конституции принцип демократизма позволяет надеяться на привлечение широкого круга специалистов к обсуждению проблем просвещения. Участие представителей вузов в дискуссиях, различных экспертных комиссиях, обсуждении законопроектов позволит избежать принятия непродуманных решений в сфере образования и снизить риск возникновения нового противостояния между властью и высшей школой.

Список литературы

1. **В. И. Ленин и А. В. Луначарский: переписка, доклады, документы** / ред.: В. Г. Базанов, Д. Д. Благой, А. Н. Дубровников, А. С. Зильберштейн, С. А. Макашин, К. Д. Муратова, Р. М. Самарин, Л. И. Тимофеев, Н. А. Трифионов, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербинина (гл. ред.). М.: Наука, 1971. 745 с.
2. **Демидова Е. И.** Становление и развитие советской высшей школы в 1920-1930 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2007. 404 с.
3. **Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании.** М., 1947. Вып. 1. 303 с.
4. **Лейкин А. Я.** Против ложных друзей молодежи. М.: Молодая гвардия, 1980. 223 с.
5. **Ленинский сборник.** М., 1970. Т. 37. 540 с.
6. **Луначарский А. В. о народном образовании: статьи и речи за период 1917-1929 гг.** М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 559 с.
7. **Постников Е. С.** Российское студенчество на Родине и за рубежом, 1917-1927 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Тверь, 2000. 188 с.
8. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 60.
9. **Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского Правительства по народному просвещению.** М., 1921. Вып. 2. 235 с.
10. **Соколов В. И.** Российское молодежное движение: от многообразия к унитаризму: 1917-1925 годы: дисс. ... докт. ист. наук. М., 1996. 399 с.
11. **Стрекалова Е. Н.** Национальная интеллигенция Северного Кавказа в контексте государственной политики в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25). Ч. II. С. 177-181.

INTERRELATIONS OF SOVIET AUTHORITIES AND HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENTS AUTONOMY IN THE 1920S

Yurii Nikolaevich Korotin

Department of History and Law

Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinskii

aizek0081@rambler.ru

The author shows the changes in higher school after October Revolution of 1917, tells that during this period the active struggle of the authorities with higher education establishments autonomy developed, reveals the goals and objectives of this policy, by the example of a number of Volga region provinces analyzes the process of the authorities confrontation with universities, ascertains the reasons of the latter defeat, and comes to the conclusion about the absence of the preconditions for a dialogue between the parties in this period due to the unreadiness of the authorities to a compromise, which resulted in the decline of higher school scientific potential.

Key words and phrases: studentship; higher education establishments autonomy; higher school; board of monitors; Volga region; reformation of education; class approach.

УДК 165.24

Философские науки

В статье рассматриваются значительные исследования интерпретации феномена вопрошания в истории философии. Проведя анализ формально-логического, социокультурного и метафизического подходов, автор отмечает, что, несмотря на различия в понимании содержания вопрошания, каждый из подходов освещает его значимые стороны, однако не позволяет получить целостное представление об исследуемом феномене.

Ключевые слова и фразы: вопрошание; вопрос; феномен; формально-логический подход; социокультурный подход; метафизический подход.

Ольга Борисовна Кулыгина

Кафедра философии

Кубанский государственный технологический университет

olgagutaeva08@rambler.ru

ФЕНОМЕН ВОПРОШАНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ®

Интерес к феномену вопрошания в истории философии появился еще в классический период античности. Протагор, Сократ, Платон, Аристотель размышляли о его содержании и значении в процессе получения